

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости

Годъ двадцать восьмой

выходятъ
по
воскресеньямъ.

18-го Февраля 1890 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 рублей.
Отдѣльные №№ Литовскихъ Епарх. Вѣдом. за прошедшіе годы и за настоящій 1890 годъ по 10 к. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 7.

При печатаніи объявленій, за каждую сторону или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.,
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Содержаніе № 7.

Мѣстные распоряженія. Къ свѣдѣнію и руководству. Перемѣщенія. Мѣстные извѣстія. Пожертвованія. Неофициальный отдѣлъ. Антоній Юрьевичъ Сосновскій. Рѣчь братчика И. У. Палимпсестова. Изъ г. Лиды.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„БѢЛОРУССІЯ И ЛИТВА“, историческія судьбы сѣверо-западнаго края.

Съ Высочайшаго соизволенія, издана при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ.

Съ 1 хромолитографіей, 99 гравюрами и историко-географической картой, 36 1/2 печатныхъ листовъ.

Цѣна 2 р. 50 к.

Книгопродавцамъ, учебнымъ заведениямъ и духовенству дѣляется уступка. Складъ изданія: Министерство внутреннихъ дѣлъ, церковно-строительное отдѣленіе. При вынискѣ изъ склада за пересылку не платятъ.

Мѣстные Распоряженія.

(Къ свѣдѣнію и руководству).

Литовская духовная Консисторія, проведя въ Виленскую, Ковенскую и Гродненскую казенныя палаты, для зависящихъ распоряженій о раздѣленіи по казначействамъ, списки псаломщиковъ, имѣющихъ получить обычное дополнительное къ полученному ими по прежнему штату жалованье (до полного установленнаго новыми штатами 27 декабря 1875 года оклада), извѣщаетъ о томъ при этомъ, съ присовокупленіемъ: 1) что псаломщикамъ, перемѣщеннымъ въ концѣ минувшаго 1889 года дополнительное жалованье назначено по прежнимъ мѣстамъ ихъ службы, и 2) что получить назначенныя деньги изъ мѣстныхъ казначействъ псаломщики могутъ не позже 30 марта, послѣ чего кредитъ за минувшій годъ будетъ закрытъ.

— 8 Февраля, священникъ Новодворской церкви, Волковыскаго уѣзда, **Осифъ Бялевичъ** перемѣщенъ, согласно прошенію, къ Харсовской церкви, Брестскаго уѣзда.

— 8 февраля, исправленіе должности **Дисненскаго благочиннаго** вмѣсто священника Веніамина Соколова поручено, впредь до усмотрѣнія, священнику Цвѣтинской церкви **Петру Преображенскому**.

— 8 февраля, священникъ Ново-Шарковской церкви, Дисненскаго уѣзда, **Петръ Лебедевъ** перемѣщенъ къ Черской церкви, того же уѣзда.

— 13 февраля, священникъ Стрѣльнянской церкви, Кобринскаго уѣзда, **Іоаннъ Шеметилло** перемѣщенъ, согласно прошенію, на мѣсто священника къ Вавуличской церкви, того же уѣзда, а на его мѣсто назначенъ, согласно прошенію, псаломщикъ Гродненскаго Софійскаго собора **Кипріанъ Лихачевскій**.

— 13 февраля, священникъ Збуржской церкви, Брестскаго уѣзда, **Іоаннъ Смирновъ** перемѣщенъ, согласно прошенію, на мѣсто священника къ Адрианковской церкви, Вѣльскаго уѣзда.

— 13 февраля, псаломщикъ Василишской церкви, Лидскаго уѣзда, **Владиміръ Овчаревичъ** перемѣщенъ, согласно прошенію, на должность псаломщика, въ с. Дяховцы, Брестскаго уѣзда.

— 13 февраля, бывший воспитанникъ I класса Литовской семинаріи **Петръ Пашкевичъ** назначенъ на должность псаломщика при Вистицкой церкви, Брестскаго уѣзда.

Мѣстные Извѣстія.

— 28 января, рукоположенъ во діакона псаломщикъ Вѣловъжской церкви, Пружанскаго уѣзда, **Іоаннъ Ширинскій**.

— Пожертвованія. Причтомъ и прихожанами Лосской церкви, Ошмянскаго уѣзда, пожертвовано 247 р., на каковыя деньги вмѣстѣ съ отосланнымъ разбитымъ колоколомъ въ 2 нуда, приобрѣтены въ мѣстную церковь колоколь въ 14 нудовъ 29 фунтовъ.

— Прихожане Старокрасносельской церкви, Вилейскаго уѣзда, пожертвовали 85 р. на приобретеніе въ церковь на престольнаго креста серебрянаго, съ надписью — въ память событія 17 октября 1888 года, и бархатнаго ковра.

— Потомственный почетный гражданинъ гор. Москвы Димитрій Васильевъ Марецкій 23 минувшаго января заявилъ желаніе учредить при Дружской Преображенской церкви, Дисненскаго уѣзда, богадѣльню на восемь человѣкъ, въ приобретеномъ уже имъ для нея домѣ, и для сей цѣли пожертвовать капиталъ въ 12 тысячъ рублей; на присоединеніе же дома къ размѣщенію призрѣваемыхъ и на первоначальное обзаведеніе для восьми человѣкъ имъ уже передана въ видѣніе мѣснаго приходскаго попечительства особая сумма въ 500 рублей. При заявленіи представленъ Епархіальному Начальству на разсмотрѣніе и утвержденіе проектъ устава богадѣльни.

— Въ Оранчицкую церковь Пружанскаго уѣзда, въ минувшемъ году прихожанами пожертвовано 105 р. 31 к. на приобретение 1) иконы св. Александра Невскаго и св. Маріи Магдалины въ память событія 17 октября 1888 г. и 2) плащаница.

— Бывшій крестьянинъ дер. Литвинокъ, Черевачицкаго прихода, Кобр. уѣзда, пылъ фельдфебель 7 роты Динабургской крѣпостной артиллеріи Лука Васильевъ Жукъ 28 минувшаго января пожертвовалъ въ Черевачицкую церковную бібліотеку 12 книгъ Житій свитыхъ, архіеп. Черниговскаго Филарета, въ изданіи коленкоровомъ переплетѣ, цѣною въ 24 р.

— 31 декабря 1889 года скончалась просфорня Шерешевской церкви, Пружанскаго уѣзда, *Евва Львова Шеметилло*, 57 лѣтъ отъ роду.

— 12 января, скончалась просфорня Сухопольской церкви, Пружанскаго уѣзда, *Елисавета Васильева Янковская*, 66 лѣтъ.

— **Вакансіи. Священника:** въ *Рабуні* (15) Вилейскаго уѣзда, въ с. *Збуражскі* (1), въ с. *Верстокъ* (8) и въ с. *Дмитровичахъ* (2) — Брестскаго уѣзда, въ с. *Михаловицкнхъ* (16) Ошмянскаго уѣзда, въ с. *Бобрахъ* (17) — Лидскаго уѣзда, въ селѣ *Ланеннцахъ* (15) и *Новомъ Дворѣ* (1) — Волковыскаго уѣзда, въ с. *Ново-Шарковичахъ* (1) и *Ново-Полостъ* (9) — Дисненскаго уѣзда, въ г. *Пружаннахъ* — при Пречистенской церкви (5). **Діакона:** въ г. *Вилкомирѣ* (2). **Псаломщика:** въ г. *Гроднѣ* (1) — при соборѣ, въ с. *Боркахъ* (5) — Слонимскаго уѣзда, въ м. *Лужскахъ* (11) — Дисненскаго уѣзда, въ с. *Лотыголь* (19) Вилейскаго уѣзда, въ с. *Полонкѣ* (9) и *Доброволі* (1) — Волковыскаго уѣзда, въ с. *Радивоничахъ* (11) — Лидскаго уѣзда, въ м. *Остринѣ* (9) и *Василишкахъ* (1) — Лидскаго уѣзда, при *Киселевецкой* (3) и *Снитовской* церквахъ (11) — Кобринскаго уѣзда и с. *Замсьѣ* (7) Дисненскаго уѣзда.

Неофициальный Оубль.

Антоній Юрьевичъ

Сосновскій

Старшій Соборный Протоіерей *).

Польское возстаніе прежде всего обнаружило необходимость исполненія въ исполненіе проектируемыхъ

*) См. № 1-2, 3, 4, 5, 6.

въ 1828 году положеній объ упраздненіи базилианскихъ монастырей съ цѣлю открытія источниковъ для улучшенія быта блага духовенства, а равно осуществленіемъ мѣръ къ ослабленію вліянія на него польскихъ помѣщиковъ, которые, какъ католики, пользуются правомъ вѣторовъ, своимъ вліяніемъ парализовали распоряженія, хлопившіяся къ возстановленію греческихъ обрядовъ. Со времени указовъ 9-го октября 1827 г. и 22 апрѣля 1828 г. прошло болѣе трехъ лѣтъ, но кромѣ нѣкоторыхъ іерархическихъ перемѣнъ съ назначеніемъ І. Сьмашки во епископы и переименованіемъ нѣсколькихъ прелатовъ и канониковъ въ соборные протоіерей и кромѣ устройства Жировицкой семинаріи все остальное оставалось по старому. Изъ самыхъ существенныхъ преобразованій, а именно: къ возстановленію греческихъ обрядовъ коллегія не приступала. Уніаты вмѣстѣ съ католиками вошли въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а это обстоятельство повело къ развитію латино-польскихъ интригъ, которыми очень ловко воспользовался испытанный интриганъ провинціалъ Жарскій. Министерство поручило ему произвести ревизію монастырей. Жарскій воспользовался обстоятельствами, чтобы предупредить опасность, давно намѣченной секуляризаціи монастырей; многие скомпрометировали себя въ польскомъ возстаніи. Блудовъ, назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, и неизмѣнный его спутникъ Вигель, директоръ департамента, стали поддаваться вліянію людей, всегда неблагопріятствовавшихъ стремленію передовыхъ уніатовъ къ закрытію монастырей и охотно давали ходъ просякамъ Жарскаго, за спиною котораго стоялъ Новосильцовъ; послѣдній, потерявъ свои посты въ Вильнѣ и Варшавѣ, благодаря личному къ нему доверію государя, занялъ высокое положеніе въ столицѣ. Дѣла въ концѣ 1832 года казались самому Іосифу Сьмашкѣ въ столь безнадежномъ состояніи, что онъ, какъ самъ пишетъ въ автобіографіи, готовъ былъ устранишься отъ дѣлъ уніатскихъ и принять православіе. Онъ далъ замѣтить это министру Блудову. Но по столько это обстоятельство, сколько копчина епископовъ Головни и Мартусевича, которые вмѣстѣ съ Виленскими базилианами и Жарскимъ обуздывали ретивость члена коллегіи епископа І. Сьмашки, помогли ему вытти изъ крайне затруднительнаго положенія, въ которое онъ сталъ вслѣдствіе самоуверенности и пренебреженія къ дѣятелямъ бывшаго Брестскаго канитута. Іосифу Сьмашкѣ удалось открыть, что Жарскій собиралъ деньги на подкуны нужныхъ ему чиновниковъ. Польскій мятежъ и проски Жарскаго возбудили дѣятельность и Жировицкаго кружка просвѣщенныхъ уніатовъ, образованнаго Тупальскимъ и и Зубкою изъ ассесоровъ консисторіи и преподавателей семинаріи. Въ этотъ кружокъ вошли и православные люди, занимавшіе должности преподавателей семинаріи. Въ этомъ кружкѣ находили возможнымъ одновременно съ приведеніемъ въ исполненіе проекта о возстановленіи греческихъ обрядовъ, готовить умы священниковъ къ воссоединенію. Послѣ смерти Мартусевича митрополитъ Булакъ перенесъ свою епископскую кафедру въ Полоцкъ, назначивъ въ свою Вѣлорусскую епархію председателемъ консисторіи, на мѣсто Іосифа Сьмашки, ассесора коллегіи Лужинскаго; епископъ же Іосифъ Сьмашко перемѣщенъ въ Жировицы. Вакантные мѣста епископовъ заняли: протоіерей Василій Лужинскій, протоіерей Антоній Зубко, ректоръ Жировицкой семинаріи, и членъ коллегіи Іосафатъ Жарскій, каждый изъ вновь пожалованныхъ епископовъ далъ обязательство о присоединеніи къ православію, если обстоятельства потребуютъ. Получивъ

Жировицкую кафедру, І. Сьмашко постарался обезпечить ее фундами Виленскаго св. Троицкаго монастыря ¹⁶¹⁾.

Съѣхавшіеся въ Петербургъ для посвященія новыя епископы въ февралѣ 1834 года на частномъ секретномъ совѣщаніи постановили: вмѣсто печатанія особаго служебника для униатскихъ церквей, принять для нихъ служебникъ и книгу молебныхъ пѣній Московской печати, заняться устрояствомъ иконостасовъ, утвари и священныхъ облачений для богослуженія, согласно греческому обряду. Капиталь, назначенный на Полоцкую академию, обратить на эти потребности.

Это былъ первый шагъ къ повсемѣстному возстановленію греческихъ обрядовъ въ Русской уни.

Сосновскій, какъ и многіе другіе вліятельные въ Русской уни священники, не могъ одобрить секретныхъ мѣропріятій, относящихся къ церкви. По его каноническимъ убѣжденіямъ дѣло религіи, какъ дѣло совѣсти, должно быть предметомъ сужденія синода или собора; онъ еще въ 1820 году указывалъ на необходимость созванія синода съ цѣлю благоустройства церквей и устраненія латинскихъ нововведеній и еретическихъ (польскихъ) молитвъ; секретныя подлински, вызываемыя общаіями награды и повышенія по службѣ, не одобрились всеми вліятельными духовными сановниками, ибо такой образъ дѣйствій дѣлалъ религію поприщемъ интриги и могъ вызвать смуту въ народѣ. Опасенія эти оправдались. При самомъ приеѣзѣ къ отобранію секретныхъ подлинсокъ епископъ І. Сьмашко встрѣтилъ сопротивленіе. При объѣздѣ имъ своей Литовской епархіи на подписку согласился только нѣсколько членовъ Жировицкаго кружка, а именно: Тупальскій, Гомолицкій (Импольскій), Голубовичъ, Малишевскій и Горбацевичъ; всѣ они занимали должности въ консисторіи и семинаріи; осенью къ этимъ шести лицамъ присоединился еще Маркевичъ (Василій). Еще менѣе удовлетворительные результаты дала Вѣлорусская епархія; тутъ дали подписки только интенторы ¹⁶²⁾. Кромѣ Тупальскаго и Маркевича, остальные давшіе подписки на возсоединеніе и по своему положенію и по молодости лѣтъ не имѣли рѣшительно никакого значенія въ епархіяхъ. За ними было одно преимущество: они получили высшее богословское образованіе, что могло служить основаніемъ къ повышенію ихъ по службѣ. Облывшіеся подлинскою дѣлали оговорки такого рода: „когда верховное греко-униатское начальство, которому по словамъ св. писанія должно повиноваться, ибо оно бдитъ о душахъ нашихъ, присоединится къ оной (греко-російской церкви), тогда и я послѣдую за нимъ; но при этомъ желаю остаться безъ бороды и въ одѣвній, присвоенномъ греко-униатскому священнику (подписка засѣдателя Литовской консисторіи Горбацевича, магистра).

Побѣдка Юсифа Сьмашки по своей епархіи, гдѣ онъ былъ новымъ челоукомъ, съ цѣлю убѣжденія священниковъ къ возстановленію обрядовъ греческой церкви и отобранія подлинсокъ привела къ небольшимъ результатамъ.

¹⁶¹⁾ По мнѣнію Юсифа Сьмашки Виленскій монастырь вовсе для униатовъ не нуженъ, потому что ихъ вовсе не имѣется въ Вильнѣ; напротивъ этотъ монастырь весьма вреденъ и составляетъ важнѣйшую точку соединенія съ римлянами. Въ нынѣшнюю бытность въ епархіи я видѣлъ не замѣтилъ менѣе благонадежности, какъ въ семъ монастырѣ. Записка Юсифа митр. Лит. т. 1, стр. 662. Только теперь въ 1834 году Сьмашко понялъ ошибку сдѣланную въ 1828 г.

¹⁶²⁾ Шелепінъ, Колюшевскій, Шендеровичъ, Константинъ Игнатовичъ и Игнатій Коссовичъ.

Каждый священникъ готовъ былъ дать подписку, когда бы знали, что ее дали главнѣйшіе и авторитетные представители клира. Но самые авторитетные представители не желали связывать себя обязательствомъ секретнымъ ¹⁶³⁾. Со времени этой побѣдки Сьмашки по епархіи стали носиться неблагопріятныя слухи для клира, который будто бы подлежитъ ответственности за то, что *продаетъ* свою церковь православнымъ; говорили, что Юсифъ Сьмашко обманываетъ, вынуждая подписки съ общаіями награды и милостей и что самое закрытіе базилианскихъ монастырей дѣлается ради обезпеченія жалованіемъ и пенсіями соборныхъ протоіереевъ и другихъ чиновниковъ. Настоятель Виленскаго св. Троицкаго базилианскаго монастыря игуменъ Викторъ Восяцій въ своемъ письмѣ къ профессору Вобровскому, жившему въ м. Шерешевѣ, призывалъ, между прочимъ, и его къ покаянію за распоряженія, склонившіеся къ возсоединенію униатовъ. М. Вобровскій въ своемъ длинномъ посланіи развиваетъ картину дѣйствій представителей клира въ двадцатыхъ годахъ, особенно его главнѣйшихъ представителей Врестскаго капитула Тупальскаго, Сосновскаго и Янковскаго и свое въ немъ участіе. — Наклоненіе униокъ къ надеждѣ, говоритъ заслуженный профессоръ, вовсе не зависитъ отъ реформъ церковныхъ обрядовъ, т. е. отъ возстановленія богослуженія по греческому уставу. Таковыя реформы въ прошломъ столѣтіи были произведены и въ Галліи заботливою Львовскаго архіепископа Ангелловича; такое обстоятельство, однако, не прекратило существованія тамъ уни. Существованіе уни въ Литвѣ или въ надеждѣ есть дѣло рукъ Божіихъ. Реформа начатая Лисовскимъ теперь подвигаются впередъ гигантскими шагами и къ чему они дойдутъ, время покажетъ. Епископъ Холмскій, какъ слышно, не желалъ приобщать къ дѣлу Литовскихъ униатовъ. Подписки о возсоединеніи съ православными, давшія епископами, не исключая Жарскаго, кромѣ митрополита, а также нѣкоторыми священниками, занимающими должности, доказываютъ однако, что уже насталъ конецъ уни въ Литвѣ. Отвѣтъ Вобу только дадутъ тѣ, которые дѣйствуютъ уговорами и склоняютъ общаіями разныхъ благъ, возбуждая въ народѣ смуту; представляя правительству вынуждаемыя подписки они рекомендуютъ ихъ якобы добровольно переходящими изъ одной вѣры въ другую. Эти обстоятельства могутъ повести къ насиліямъ и смутѣ въ народѣ. Что же касается до меня, то я желаю бы остаться въ той же вѣрѣ, въ которой родился, но я хочу оставаться также вѣрнымъ слугою моего Государя, лучшаго отца насъ всѣхъ. Отъ твоего убѣжденія зависитъ дѣло монастыря вѣрнѣшаго тебѣ Провидѣніемъ, которымъ держится уни; дѣйствуй такъ, какъ велитъ тебѣ совѣсть; однако же ты оказалъ бы большую услугу, если бы развернулъ дѣла архива базилиан-

¹⁶³⁾ Записки, I, стр. 52, 686. Сьмашко былъ въ Клещельхъ 4 іюля; слушалъ пѣвчихъ и осматривалъ Клещельскую церковь. Основскій тогда же отказался дать подписку. Вобровскій въ эту побѣдку не видѣлъ Сьмашки, но послалъ къ нему письмо съ изъявленіемъ готовности содѣйствовать благамъ его намѣреніямъ о клирѣ и надежды увидѣться съ нимъ *будушею весною* (1835) *вмѣстѣ съ другими духовными стремляющимися къ единенію*. Вотъ подлинныя слова въ письмѣ къ епископу І. Сьмашкѣ отъ 16 сентября 1834 года. „Wtedy (т. е. весною 1835 г.) szczęśliwym będę, jeżeli mi wspólnie z innymi Bóg pozwoli oglądać Pasterza, nawiedzającego swoje owczarnie, dobrodziejstwu do jedności wiary naszych przodków i Chrystusowego pokoju dążącemi“. По епископъ Сьмашко не былъ въ своей епархіи ни въ 1835, ни въ 1836 годахъ.

скаго ордена и такое зачатіе было бы весьма полезнымъ для любящаго заглядывать въ свитки, покрытыя плѣсью¹⁶⁴⁾.

Мы думаемъ, что также судилъ о подпискахъ и Антоній Сосновскій. Ошибки Іосифа Сѣмишки рѣшился исправить Жировицкій кружокъ. Волненія между униатами продолжались въ 1835 г. и въ теченіе 1836 года и стали принимать болѣе спокойный характеръ не ранѣе, какъ послѣ перехода дѣлъ униатскихъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ вѣдѣніе оберъ-прокурора св. синода¹⁶⁵⁾, когда при томъ Антонію Зубкѣ и членамъ Жировицкаго кружка удалось убѣдить къ согласію на воссоединеніе самыхъ вліятельныхъ благочинныхъ. Въ теченіе 1837 года въ Литовской епархіи уже многіе авторитетные представители, охотно содѣйствуя восстановленію обрядовъ по чину греческой церкви, прямо или косвенно старались дѣйствовать на убѣжденія священниковъ и такимъ способомъ подвинуть рѣшимость къ подпискамъ на воссоединеніе съ православіемъ. Главная задача состояла въ томъ, чтобы доказать, что обряды униатовъ тѣже что и у православныхъ: тѣже таинства, тотъ же богослужебный языкъ, то же молитвословіе, а если что измѣнилось въ униі, то виноваты въ этомъ католики. Замѣчено было, что главные безпорядки въ вѣкоторыхъ благочиніяхъ происходили отъ излишней горячности благочинныхъ и неумѣренныхъ требованій епископовъ. Такъ, на примѣръ, епископъ Зубко предъявлялъ нерѣдко такія требованія, которыя не почитаются необходимыми въ православной греко-россійской церкви. Это высказался протоіерей Бобровскій въ письмѣ къ Тунальскому въ мартѣ 1837 г.

(Продолженіе впереди)

Рѣчь братчина Ив. У. Палимпсестова, сказанная въ годичномъ собраніи Богоявленскаго братства 14 января 1890 г. въ Москвѣ *).

Въ одномъ изъ прошедшихъ засѣданій Совѣта нашего Богоявленскаго братства, члены его, во главѣ съ своимъ предсѣдателемъ, многоуважаемымъ П. В. Шаповымъ, изъявили желаніе, чтобы я, по примѣру прежнихъ лѣтъ, что нибудь сказалъ и въ нынѣшнемъ нашемъ годичномъ собраніи. Почтенные братчики возлагаютъ на мои старческаго рамена бремя не совсѣмъ мною удобоносимое. Здѣсь самый трудный вопросъ: что сказать? Надобно сказать то, что имѣло бы какое-нибудь отношеніе къ нашему братству. Думалъ я объ этомъ не мало, и пришелъ къ такой мысли. Кругъ дѣятельности нашего братства самый скромный, и самое выдающееся явленіе въ жизни его—это братская школа, гдѣ уже 14 лѣтъ просвѣщается грамотою до 100 и даже болѣе дѣтей изъ бѣднѣйшихъ прихожанъ нашей Богоявленской церкви. Отсюда какъ бы невольно рождается потребность сказать нѣчто соприкосновенное съ нашими народными школами, куда, по естественному порядку, войдетъ и наша братская школа. Но я начну рѣчь нѣсколько издалека.

Ставлю вопросъ, который, конечно, нѣсколько удивитъ васъ, возлюбленные братчики: что такое мать? Отвѣтъ

¹⁶⁴⁾ Неизд. письма проф. М. Бобровскаго, л. 30 бор., 31 и 32.

¹⁶⁵⁾ Самъ епископъ Сѣмишко, чтобы избѣжать двусмысленнаго положенія, въ 1836 г. вторично готовился принять православіе самолично, предоставляя Антонію Зубкѣ дѣйствовать по своему усмотрѣнію и обстоятельствамъ.

*) Съ удовольствіемъ перепечатываемъ эту поучительную рѣчь. Р. Л. Е. В.

самый простой: мать—женщина, которая рождаетъ дѣтей, кормитъ ихъ своимъ молокомъ и вообще до извѣстной поры или возраста воспитываетъ ихъ. Но для ясности моей рѣчи, нужно попространнѣе отвѣтить на этотъ вопросъ. Мать—женщина, какъ вамъ извѣстно, составила послѣднее звѣно въ твореніи живыхъ существъ, населяющихъ нашу планету; она можетъ назваться вѣдомъ творенія. Да оно такъ и должно быть. Мужеская половина рода человѣческаго одарена высшими умственными силами, болѣею твердостью воли, болѣею крѣпостью тѣлесныхъ силъ, чѣмъ женщина. Но что эти болѣе высшія и болѣе крѣпкія силы значили бы—довели ли бы они человѣчество къ чему-нибудь доброму, если бы членовъ его не связывала любовь? Вы знаете, что и св. Евангеліе ставитъ любовь превыше всего, какъ первооснову жизни человѣка, какъ христіанина и какъ члена общества и государства. Создавать, поддерживать эту связь между людьми, т. е. любовь,—и есть назначеніе женщины-матери: для этого и дано ей такое сердце, котораго не имѣетъ мужчина и которое, такъ сказать, невольно или самымъ естественнымъ образомъ приучается возгрѣвать этотъ воистину великій даръ Божій, т. е. любовь,—приучается и тогда, когда мать носить плодъ любви подъ своимъ сердцемъ, кормитъ его своею грудью и окружаетъ это слабѣйшее созданіе такимъ попеченіемъ, которое можетъ исходить только отъ нѣжнаго, любящаго сердца. Выразусь иначе: дѣти до извѣстнаго возраста есть своего рода школа для матери, гдѣ она воспитываетъ свое сердце въ любви, которая потомъ и отражается въ окружающей ее средѣ. Все это чуждо мужчине, а потому онъ и лишенъ возможности воспитывать свое сердце въ болѣе нѣжной любви, чѣмъ женщина. Далѣе. На матери лежитъ обязанность положить въ сердце ребенка первыя сѣмена вѣры въ Бога, любви къ Нему и ближнему,—сѣмена послушанія, кротости, уваженія къ старшимъ и другихъ добродѣтелей, которыя обусловливаютъ жизнь человѣка какъ разумно-свободнаго созданія и какъ члена человѣческой семьи,—и она, мать, это дѣлаетъ, и никто другой не можетъ такъ глубоко, съ такимъ умѣньемъ насадить эти сѣмена, какъ мать, такъ какъ это насажденіе требуетъ самаго теплаго участія сердца, которое, какъ я выше сказалъ, такъ свойственно женщинѣ-матери. Иду далѣе. Безчисленные, можно сказать, всемірные опыты показываютъ, что не только честные, съ выдающимися добродѣтелями люди, но и прославившіе себя въ области наукъ, духовныхъ трудовъ или подвижничества, гражданскихъ и военныхъ доблестей, сдѣлались таковыми благодаря своимъ матерямъ, которыя въ дѣтскомъ возрастѣ, какъ чадолюбивыя кокошки, держали ихъ подъ своими крыльями, согрѣвали теплотою своего нѣжнаго сердца и направляли умъ, сердце и волю къ высшимъ цѣлямъ. Нужно ли припоминать здѣсь, что мать—жена несетъ на себѣ всѣ заботы о домашнемъ очагѣ, вокругъ котораго собирается семья, и что она своимъ сердцемъ вноситъ въ семью миръ, наслажденіе семейными радостями, и тѣмъ облегчаетъ труды стоящаго во главѣ семьи, отца и мужа. Не забудемъ и того, при настоящемъ случаѣ, что женщины, воспитавшей свое сердце въ любви къ дѣтямъ, принадлежитъ открытіе и поддержаніе великаго множества благотворительныхъ учреждений, которыя можно назвать украшеніемъ современнаго намъ христіанскаго міра. Скажу еще одно: если семья есть первооснова для всѣхъ благоустроенныхъ обществъ и государствъ, та первооснова, съ разрушеніемъ которой немислимо для человѣчества стрем-

леніе къ высшимъ дѣламъ своего быта; то въ этой первоосновѣ мы должны признать краеугольнымъ камнемъ мать семьи. Не погрѣшимъ, если мы назовемъ ее и другимъ именемъ: мать есть та святыня въ семьѣ и вообще въ родѣ человѣческомъ, которую должно искренно почитать и любить, и Боже сохрани! чѣмъ нибудь оскорблять или принижать.

Но святыня ли мать въ сердцахъ русскаго народа? Я не буду рѣшать этого вопроса, но укажу вамъ, возлюбленные братчики, на такое явленіе въ нашей русской жизни, которое не можетъ не назваться самымъ прискорбнымъ, обличающимъ въ насъ самый большой порокъ нашего сердца. У насъ, какъ всѣмъ и каждому, отъ мала до велика, извѣстно, имя матери—это своего рода священное имя—стоитъ во главѣ всѣхъ отвратительныхъ, площадныхъ, отзывающихъ самымъ крайнимъ развратомъ ругательствъ или бранныхъ словъ. Въ самомъ дѣлѣ, вспомните наши бранныя выраженія: не первое ли мѣсто между ними занимаетъ слово мать? и какой смыслъ или дѣйствіе соединяется съ этимъ словомъ? И надобно сказать, что нѣтъ народа въ мірѣ, даже среди дикарей, даже среди тѣхъ, которые на женщину смотрятъ какъ на рабочее животное,—у которыхъ первое ругательное слово было бы мать и соединенная съ нею великая тайна рожденія дѣтей,—это благословеніе роду человѣческому Всеблагаго и Премудраго Творца Бога.

Но я скажу вамъ, возлюбленные братчики, другую горькую правду: нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ народа, который такъ любилъ бы бранныя, срамныя слова, какъ русскій народъ, именующій себя православнымъ въ той вѣрѣ, которой первый главный „плодъ духовный—любовь“. Эти слова для русскаго народа какъ будто своего рода стихія, безъ которой онъ ложки щей не проглотитъ, тонера по возьметъ въ руки. Правда, у него есть похвальный обычай, унаслѣдованный имъ отъ благочестивыхъ его предковъ: прежде чѣмъ положить въ ротъ кусокъ хлѣба или приняться за работу,—перекреститься; и онъ перекрестится; но тутъ же изъ устъ его сыплется такое сквернословіе, о которомъ „срамно есть и глаголати“. И не простой мужикъ у насъ таковъ: возьмите мужскую половину такъ называемаго просвѣщеннаго или образованнаго нашего слоа: не слышите ли и здѣсь такое же срамное слово, какое мы слышимъ отъ послѣдняго извозчика или пьянчуги?

Нужно ли прибавлять ко всему сказанному мною о срамныхъ ругательствахъ, что и женская половина русскаго народа далеко не чуждается ихъ, и притомъ чаще всего среди ругательствъ этой половины слышатся такія слова, которыя касаются перваго украшенія дѣвицы, матери, жены и вообще женщины,—именно—ихъ цѣломудрія души и тѣла. Могутъ ли подобныя бранныя или срамныя слова не имѣть самаго тлетворнаго вліянія на чистоту и вѣрность сердца тѣхъ, которыхъ одно изъ самыхъ главныхъ назначеній именно поддерживать среди людей эти неопцнныя качества души? Страшно сказать, но едва ли мы не должны признать, что срамныя слова, исходящія изъ устъ женщины, облегчаютъ пути къ разврату, къ нарушенію цѣломудрія, супружеской вѣрности, и къ ослабленію семейныхъ узъ. Не забудемъ: слово рождаетъ мысль, а мысль и самое дѣло. Но развратъ, обезцѣненіе цѣломудрія и супружеской вѣрности—не мелочи ли житейскія? Это—то, съ чего начиналось разложеніе народовъ, а за нимъ—и паденіе царствъ.

Я не сомнѣваюсь, вы, мои возлюбленные братчики, скажете, что старикъ говоритъ правду. Но я скажу вамъ и другую, съ которой, думаю, вы также согласитесь. Въ

разныхъ мѣстностяхъ широкой русскаго земли мнѣ приводилось жить; бывалъ я, на своемъ не короткомъ вѣку, во многихъ городахъ, селахъ и деревняхъ русскаго царства; но долженъ сказать, что такого открытаго срамословія, такихъ безнравственныхъ бранныхъ изрѣченій, я не слышалъ нигдѣ, какъ въ Москвѣ, перѣдко называемой благочестивой, боголюбивой, православной. Да и кто этого не видитъ, не слышитъ и не знаетъ? Вотъ легковые или ломовые извозчики зацѣпились осями,—и самая срамная брань свободво раздается на всю улицу; вотъ на тротурѣ нечаянно или намѣренно одинъ другаго толкнулъ,—и дѣло не обходится безъ самой срамной ругани; а вотъ вереницы возовъ съ непомѣрными тяжестями поднимаются въ гору: какихъ бичевалій вы не видите здѣсь? какихъ срамословій не слышите? Дѣло у насъ дошло до того, что по нѣкоторымъ нашимъ улицамъ тяжело идти порядочному мужу съ женой или отцу съ дѣтьми, особливо женскаго пола. И повидимому никому нѣтъ дѣла до такого срамнаго безчинства. Этого мало: даже тѣ, которые приставлены поддерживать порядокъ на улицахъ и площадяхъ,—поддерживаютъ его не иначе, какъ открытымъ срамословіемъ, и говорятъ они, что иначе русскій человѣкъ не послушаетъ тебя. Такъ вѣвлось срамное слово въ плоть и кровь русскаго народа. То его—какая-то болѣзнь, гангрена, которая разѣдаетъ самое сердце его.

Можно ли быть равнодушнымъ къ этому явленію въ нашей жизни? Нѣтъ, потому что это явленіе нельзя не назвать самымъ прискорбнымъ, самымъ вреднымъ по своимъ послѣдствіямъ. Употребленіе бранныхъ словъ и притомъ отзывающихъ развратомъ, не поддерживаетъ ли грубости нравовъ, очерствѣнія сердца?—Неизбѣжно. А при такомъ сердцѣ возможна нравственная жизнь, достойная христіянина, и частіе—возможна любовь, которая должна лежать въ основаніи жизни человѣка какъ разумно-свободнаго существа?—Тѣ бранныя слова, между которыми мать занимаетъ первое мѣсто, не умаляютъ ли высокаго значенія этой семейной святыни? не заставляютъ ли даже малыхъ дѣтей смотрѣть на нее принижеными глазами?—Непремѣнно такъ. А при такихъ условіяхъ возможны ли взаимная любовь, миръ, согласіе, семейныя радости, общій полюбовный трудъ членовъ семьи, и частіе любовь и уваженіе къ матери?—Бранныя слова, наши срамныя изрѣченія, не служатъ ли для дѣтей въ самомъ раннемъ ихъ возрастѣ школою не только огрубѣлости, безнравственности, но даже—въ послѣдствіи—разврата?—Едва ли не такъ. Вспомнимъ смыслъ нашего срамословія, и будемъ ли мы отвергать, что даже малый ребенокъ не постарается узнать, что означаютъ такія-то бранныя слова. Слово рождаетъ мысль, а мысль и самое дѣло. Едва ли кто позволитъ себѣ не согласиться, что наше срамное слово должно быть поставлено въ число тѣхъ тлетворныхъ дыханій, отъ которыхъ неизбѣжно страдаетъ чистота души, цѣломудріе сердца. Не даромъ житейская мудрость признаетъ, что языкъ человѣка—первый врагъ его; а св. апостоль Іаковъ воть что говоритъ о немъ: „языкъ въ такомъ положеніи находится между членами нашими, что оскверняетъ все тѣло и восплаляетъ кругъ жизни, будучи самъ восплаемъ отъ геенны; языкъ—неудержимое зло; онъ исполненъ смертоноснаго ада“ (Посл. Іак. III, 6, 8).

Послѣ всего сказаннаго мною, едва ли кто не согласится, что срамное слово, особливо соединенное съ священнымъ именемъ матери, не есть такая житейская мелочь, на которую

не стоитъ де обращать вниманіе. Нѣтъ, это не мелочь, здѣсь корень величайшаго зла для русскаго народа, и давно бы пора всѣми мѣрами и силами вырвать его изъ доброй русскѣй нивы, какъ корень зловредныхъ плевель. У насъ составляется не мало разныхъ учрежденій или обществъ, то благотворительныхъ, то ученыхъ, то для поднятія той или другой промышленности и т. д.; но едва ли въ ряду подобныхъ учрежденій или обществъ не одно изъ первыхъ мѣстъ должны бы занимать общества искорененія срамословія въ русскомъ народѣ, — общества не только по городамъ, но и по селамъ и деревнямъ. Не припомню имени, но въ какомъ-то уголкѣ широкой русской земли блеснула искорка: мірскими приговоромъ постановлено избѣгать срамословія, и виновныхъ въ нарушеніи этого приговора подвергать значительному денежному штрафу. О если бы этотъ примѣръ нашелъ подражателей на всей русской землѣ! Да, съ удаленіемъ срамословія много бы очерствѣлости снало съ русскаго сердца; много внеслось бы и въ семьи, и въ общества мира и согласія; открылись бы новыя струи, способныя поддерживать взаимную любовь, дружбу, уваженіе, чистоту нравовъ, дѣломудріе души и тѣла, и въ особенности то глубокое уваженіе, на которое по всѣмъ правамъ имѣетъ мать — эта снятыя семьи, — увы! занимающая первое мѣсто въ нашихъ срамныхъ ругательствахъ. Въ одномъ свѣтскомъ журналѣ прошедшаго года (Нива № 50) была помѣщена статья подъ заглавіемъ: Перстъ Божій. Воистину то — перстъ Божій, указывающій на мать, какъ на неприкосновенную святиню и наказующій тѣхъ, кто иначе смотритъ на нее: дѣвочка лѣтъ 15 (дочь прикащика въ одной экономіи) осмѣлилась сказать своей матери, кроткой, и провинившейся передъ дочерью только тѣмъ, что та заставляла ее работать: чтобы тебѣ — старой вѣдьмѣ — глаза повылѣзли! И вотъ едва были выговорены эти дерзкія до безумія слова какъ у дочери лопнулъ одинъ глазъ. Какой урокъ! Прислушайся къ этому уроку, русскій народъ, такъ позорно относящійся къ священному имени матери!

Да, возлюбленные братчики, дѣйствительно намъ всенародное срамословіе — не такая житейская мелочь, на которую не стоитъ де обращать вниманіе. Я укажу вамъ на другую, многимъ и многимъ, если не всему русскому народу, кажущуюся мелочь; но опередившіе насъ по образованію ума и сердца народы увидѣли, что то не мелочь, но величайшее зло, которое и постарались вырвать съ самымъ корнемъ. Это зло состоитъ въ родственной связи съ только что указаннымъ мною, и я считаю своимъ долгомъ сказать и о немъ нѣсколько словъ.

У насъ, на Руси, ругаты самыми срамными словами и биты нѣрѣдко самымъ звѣрскимъ образомъ домашнихъ животныхъ и вообще грубо и даже варварски обходиться съ живою тварью, — не считается ни во грѣхъ; бьютъ нашу собаку, лошадь или вола и говорятъ, на то они и созданы, чтобы биты ихъ. Это своего рода хула на Вселблагаго и Премудраго Творца. Но вотъ что изслѣдовано и доказано, что грубое и тѣмъ болѣе звѣрское обращеніе съ животными есть школа для огрубѣнія сердца и что оно самымъ естественнымъ образомъ переносится на семью и вообще на нашего ближняго. Да, далеко ли отъ бича, отъ котораго тернитъ лошадь, до самаго браннаго слова или ослухи жевѣ сыну, дочери и т. д.? Рука здѣсь, такъ сказать, поднимается цевольно, по нѣкоторой привычкѣ. Но этого мало. Дознано, что большая часть уголовныхъ преступни-

ковъ принадлежитъ къ тѣмъ, которые въ свое время, особливо въ дѣтскомъ возрастѣ, грубо и варварски обращались съ животными, и справедливо одинъ изъ просвѣщенныхъ наблюдателей этого явленія приблизительно выразился такъ: пусть среди людей искоренится грубое обращеніе съ животными, — и наши тюрьмы несравненно меньше будутъ имѣть уголовныхъ преступниковъ, чѣмъ теперь. Подобныя поспориныя умозаключенія, основанныя на неопровержимыхъ фактахъ, привели благонамѣренныхъ людей западной Европы къ необходимости открытія обществъ покровительства или состраданія къ животнымъ, и они почти повсемѣстно тамъ открылись. На первый разъ легкомыслие встрѣтило ихъ съ улыбкою презрѣнія или, по крайней мѣрѣ, недобрія; но эти общества, покровительствуемыя правительствами, достигли такихъ послѣдствій, что народъ созналъ великое благо отъ кроткаго обращенія съ животными, и нѣкоторые изъ этихъ обществъ, какъ достигшия своей цѣли, закрылись. Я два раза путешествовалъ по западной Европѣ, и положительно могу сказать: не видѣлъ и не слышалъ, чтобы лошадь, вола, собаку и т. д. обругали или ударили. И позволю себѣ заявить, что едва ли въ Европѣ, да и на всей нами обитаемой планетѣ, есть народъ, который такъ грубо, такъ звѣрски обращался бы съ живою тварью, какъ мы, русскіе люди. Насъ до сихъ поръ зовутъ на западѣ Европы варварами. Насколько это справедливо — мы разбирать не будемъ; но какому нибудь иностранцу достаточно только взглянуть на наше бичеваніе домашнихъ животныхъ, на нашихъ дѣтей, которые наслажденіе находятъ безъ всякой причины пустить камнемъ въ собаку или въ невиннаго воробья, — достаточно, говорю, и этихъ прискорбныхъ явленій, чтобы укрѣпить понятіе объ насъ, какъ о варварахъ.

Едва ли кто позволитъ себѣ игнорировать или не признавать той неперекладываемой правды, что грубое обращеніе съ животными самымъ естественнымъ образомъ служитъ къ огрубѣнію нашего сердца, къ уменьшенію нашей семейной и общественной любви и даже къ умноженію среди насъ уголовныхъ, иной разъ самыхъ тяжелыхъ преступленій, каковы напр. убійство отца и матери, святотатство, соединенное съ убійствомъ и т. д. А если такъ, то намъ, русскимъ людямъ, слѣдовало бы употребить всевозможныя мѣры къ искорененію варварскаго обращенія съ животными; и если на западѣ Европы общества покровительства животнымъ, при тепломъ соуветвіи къ нимъ правительственныхъ властей, увѣчались такими счастливыми послѣдствіями; то почему бы и намъ не послѣдовать ихъ примѣру? И появились у насъ два — три подобныхъ общества; но мы какъ то холодно относимся къ нимъ; да и что могутъ сдѣлать какихъ нибудь два — три общества, когда варварское обращеніе съ животными, какъ и срамословіе, вѣлится въ плоть и кровь русскаго народа, не исключая даже такъ называемаго образованнаго нашего слоя. Для блага русскаго народа мы должны бы у себя считать подобныя общества тысячами.

Трудно очистить ту кору, которая наслаивается, грубо бьетъ и крушитъ на сердцѣ человеческомъ годами, даже пожалуй — вѣками. Трудно и даже невозможно выпрямить то дерево, которое прожило не одинъ десятокъ лѣтъ. Невозможно сдѣлать облагороженный прививокъ къ тому застарѣлому, суковатому стволу, который покрытъ грубою корою, мѣстами проточенъ червями или покрытъ лишаями и мхомъ. Но иное дѣло молодое дерево, съ тѣжными покровами, съ свѣжими соками: его можно и выпрямить, и облагородить такою прививкою, отъ которой оно въ послѣдствіи будетъ приносить самые лучшіе плоды.

Мы, русскіе люди, должны ожидать перерожденія себя въ нашемъ молодомъ поколѣніи, и для него сила перерожденія должна выдти изъ школы. Но наши школы такъ ли поставлены, чтобы видѣть въ нихъ силу перерожденія русскаго народа? Этотъ вопросъ слишкомъ сложный, и я укажу только на одну сторону нашего школьнаго дѣла.

Главный недостатокъ, или своего рода порочность нашихъ школъ, начиная съ низшихъ и восходя до высшихъ, тотъ, что они страдаютъ односторонностію: въ нихъ преслѣдуется почти одно — развитіе умственныхъ силъ и умженіе знаній; но остаются другія стороны души — воля и въ особенности сердце, откуда, по слову св. писанія, и исходитъ помысленіе благія или злѣя. Истинно просвѣщенныя люди повторяютъ непреложную истину, что образованіе ума безъ образованія сердца бесполезно. Эту истину намъ извѣстила и Небесная Истина, поставившая во главу доброй и плодотворной жизни рода человѣческаго любовь — атошь совершеннѣйшій плодъ истиннообразованнаго сердца. И что мы видимъ въ жизни? сколько получившихъ высшее образованіе ума и остающихся бесполезными и для себя, и для общества! Но этого мало; сколько проявляется среди ихъ самыхъ тяжкихъ уголовныхъ преступниковъ и, частью, воровъ! Покойный принцъ Албертъ, супругъ и повелитель дартсвудской Англійской королевы, обладавшій свѣтлымъ умомъ, находилъ при раздачѣ награды въ одной школѣ, высказавъ такую правду, которую едва ли кто позволилъ бы себѣ отвергать, именно, что слѣдовало бы самымъ высшимъ награды давать тѣмъ ученикамъ, которые отличаются честностію, или, что тоже, — чистотою сердца, потому что только при такомъ направленіи этой силы души мы можемъ ожидать честныхъ, благоразумныхъ и трудолюбивыхъ гражданъ.

Я не говорю, чтобы въ нашихъ школахъ совершенно забывалась нравственная сторона учащихся, но въ сердцахъ и воляхъ отмѣчается поведеніе, ведетъ и перечень проступковъ, за которые имъ наказываютъ; но это далеко не то, что называется образованіемъ сердца: здѣсь одна отрицательная сторона дѣла, но не положительная, которая замѣтна въ виду не уклоненіе сердца отъ порочныхъ наклонностей, и направленіе его къ добру, къ нравственной чистотѣ. Все это намъ легче представится, если мы припомнимъ, что у насъ развитіе добрыхъ началъ нравственности въ дѣтяхъ возлагается на однихъ законоучителей, а преслѣдованіе порочности или проступковъ — на начальствующихъ надъ школами. Вотъ здѣсь — то и главная ошибка нашего учащаго міра! Я позволю себѣ сказать, что каждый наставникъ школы въ извѣстной мѣрѣ обязанъ наблюдать за направленіемъ сердца слушающихъ у него уроки, хотя бы ариметики или географіи. Но наставники нашихъ школъ обыкновенно говорятъ, что нравственная сторона учениковъ не ихъ дѣло. Поставимъ такой вопросъ: долженъ ли считать каждый изъ насъ своимъ святымъ долгомъ, при видѣ уклоненія нашего ближняго на путь порочности, удержать его, направить на путь добра? Едва ли кто позволитъ себѣ отвѣтить на этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ. То завѣтъ Евангельской любви. „Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ“ — законъ любви къ ближнему. Но учащіяся въ школѣ суть ли ближніе своимъ наставникамъ? Конечно, это ближніе ихъ, и притомъ такіе, о которыхъ Спаситель сказалъ въ томъ числѣ, конечно, и наставникамъ школъ. „Блюдите, да не презрите единого отъ малыхъ сихъ“.

Но если на комъ лежитъ святой долгъ направлять сердце дѣтей къ добру; то это на учителей и учительницъ нашихъ народныхъ школъ, отъ которыхъ зависитъ вся будущность нашего дорогаго отечества. Эти наставники или наставницы должны, такъ сказать, обнимать все существо питомцевъ школы; они должны, можетъ быть это вызоветъ улыбку, наблюдать: чисты ли погги, причесаны ли головы учениковъ. (На этотъ разъ есть прекрасное сочиненіе одного изъ замѣчательныхъ пѣмецкихъ писателей, покойнаго Чшоке). Къ сожалѣнію, и притомъ глубокому, мы и въ нашихъ народныхъ школахъ видимъ ту же односторонность, о которой сказано было выше, т. е. что сердце дѣтей, нравственность ихъ, стоятъ какъ бы въ сторонѣ. Правда, въ послѣднее время наши народные школы принимаютъ другое направленіе; но еще есть прежняя закваска, которая, вѣроятно, не скоро и выведется. Изъ нашихъ народныхъ школъ былъ изгнанъ языкъ нашей церкви. Это значитъ, дѣтей нашего народа хотѣли лишить той матери, которая именно можетъ образовать сердце чловѣка. Въ нашихъ школахъ господствующими книгами, въ родѣ учебниковъ, были такого содержанія, что въ нихъ ни однимъ словомъ не упоминалось о Богѣ, церкви и добрыхъ началахъ нравственности. Могли ли такія книги развивать и просвѣщать сердце дѣтей? Не односторонность ли здѣсь самая прискорбная?

И вотъ мы видимъ плоды этой односторонности. Уже не одно поколѣніе вышло изъ нашихъ народныхъ школъ; но упрочивается ли благосостояніе поселянъ? поднимается ли народная нравственность? больше ли въ народѣ сознанія подзаконности и уваженія власти? уменьшается ли величайшее народное зло — пьянство? увеличивается ли любовь и уваженіе къ отцамъ и матерямъ? выше ли стало цѣломудріе? не умножаются ли среди русскаго народа пороки и преступления? Пусть судятъ меня, пусть порицаютъ; но я, прислушиваясь къ народному голосу, не обинуясь скажу: доселѣ мы не видимъ зрѣлыхъ плодовъ отъ нашихъ народныхъ школъ, чего нельзя не приписать именно тому, что въ нихъ образованіе воли и сердца стояло въ сторонѣ. Имѣемъ основаніе вѣрить, что наши школы получаютъ другое направленіе и принесутъ тотъ обильный плодъ, котораго ждѣтъ родная земля, и русскій народъ на опытъ убѣдится, что дѣйствительно ученье свѣтъ, а неученье тьма.

Но пора и кончить рѣчь. Я заключу ее такими пожеланіями. Вы, конечно, возлюбленные братчики, вполнѣ разделяете мое убѣжденіе, что срамное, особливо соединенное съ священнымъ именемъ матери, и грубое обращеніе съ животными должны быть причислены къ величайшему нашему злу, которое держитъ въ огрубѣніи доброе по природѣ русское сердце и ведетъ его не только къ порочности, но даже къ самымъ тяжкимъ преступленіямъ. О, какъ бы я желалъ, не сомнѣваюсь и въ вашемъ искреннемъ желаніи, чтобы въ нашихъ народныхъ школахъ это нравственное зло какъ можно чаще раскрывалось предъ дѣтьми, во всей его безобразной наготѣ, чего, увѣренъ, въ нихъ доселѣ не дѣлалось. Братская наша школа основана на братской любви къ ближнему, и если гдѣ то въ ней сердце дѣтей должно занимать первое мѣсто. Пусть же она одна изъ первыхъ подастъ примѣръ настойчиваго внушенія дѣтямъ, что срамныя слова, и особенно соединенныя съ священнымъ именемъ матери, и грубое обращеніе съ животными — это есть школа огрубѣнія сердца, безнравственности, ведущая даже къ самымъ тяжкимъ преступленіямъ.

Я вотъ, что позволю себѣ предложить братству, и что, думаю, не останется безъ добрыхъ послѣдствій, именно: брать съ поступающихъ въ нашу школу, а равно и съ окончившихъ курсъ ученія въ ней, честное слово, при крестномъ знаменіи, что срамныя слова не будутъ исходить изъ устъ ихъ, и что они на всякое животное будутъ смотрѣть какъ на твореніе Премудраго и Всеблагаго Отца небеснаго, а не поносить его, не бичевать, чего мы не можемъ не назвать самою черною неблагодарностію къ Тому, по благодати Котораго мы живемъ, движемся и есмь.

(Моск. Церк. Вѣд.)

Изъ города Лиды. Прощаніе пастыря съ паствою.

Сейчасъ только я возвратился изъ церкви домой. Послѣ обѣдни прощался со своими прихожанами отецъ Іосифъ Кояловичъ, призванный на служеніе въ Вильну. 30 лѣтъ тому назадъ, какъ онъ вышелъ съять на поросную тогда былъ емъ духовную пиву, и вотъ теперь прощался съ тѣмъ, что онъ въ теченіе этого долгаго для человека времени успѣлъ собрать. Церковь, какъ и всегда, была полна молящихся, и старые, вѣковые ея прихожане-крестьяне были на лицо. Знали эти простые люди, чуждо сердце ихъ, что на послѣднемъ здѣсь въ этомъ храмѣ своемъ служеніи маститый ихъ духовный пастырь скажетъ имъ послѣднее „прости“. Слезы не позволяли говорить и прерывали слово служителя алтаря. Плакалъ онъ и плакали всѣ. Плакалъ онъ потому, что ему пришлось, наконецъ, разстаться съ тѣмъ, что онъ тридцать лѣтъ собиралъ, устранивалъ, поучалъ и оберегалъ, какъ оберегаютъ малое, неразумное дѣтище; онъ прощался со своими дѣтьми, какъ любящій отецъ прощается со своимъ сыномъ, идущимъ на чужбину. Какъ было не плакать и его старымъ дѣтямъ! какъ было имъ не убиваться, не горевать? 30 лѣтъ онъ ихъ поучалъ вѣрѣ православной, научилъ ихъ церковнымъ обрядамъ и внушалъ любовь къ родной имъ церкви: зажегъ своей рукою въ темной ихъ хатѣ „свѣтъ жизни“. Не плачь, а рыданія раздались, когда любимый, строгій къ самому себѣ и къ своимъ истиннымъ прихожанамъ, пастырь-протоіерей, снявъ съ головы кампавку, земно поклонился своимъ дѣтямъ, прося у нихъ братскаго, христіанскаго прощанія, и дѣти его всѣ, какъ одинъ, отвѣтили ему тѣмъ-же, прося тѣмъ самымъ и ихъ простить и какъ бы чрезъ то соединясь духовно еще крѣпче своими дѣтьми, онъ, забывъ свою душевную боль, въ послѣдній разъ и даль поученіе паствѣ. Онъ просилъ держаться и любить родную, православную церковь, не поддаваясь никакимъ соблазнамъ, и полюбить и слушаться, какъ слушались они его, своего пастыря. Да, было неподдѣльное горе, ибо сѣрый человекъ рѣдко когда заплачетъ. Пали старики къ ногамъ его, когда онъ выходилъ изъ храма, какъ бы желая удержать ихъ еще здѣсь на этомъ самомъ мѣстѣ. (Вил. Вѣст.)

— 9-го сего февраля, жители мѣстечка Запорочь, Свенцянскаго уѣзда, погребли уважаемаго и трудолюбиваго своего молодого народнаго учителя Ивана Чабана.

Дозволено цензурою.
Цензоръ Каѳедральный Протоіерей *Петръ Левинскій*.

Обрядъ погребенія совершалъ мѣстный закопоучитель о. Лавр. Сахаровъ съ двумя сосѣдними священниками; при погребеніи присутствовали два сосѣдніе учителя, всѣ ученики покойнаго и много народу. Многіе изъ присутствовавшихъ при этомъ почальномъ обрядѣ плакали искренними слезами.

Покойный И. Ч. страдалъ чахоткою около 5-ти лѣтъ и умеръ послѣ трехъ-мѣсячной болѣзни тихо и спокойно; смотря радостнымъ взглядомъ въ неопредѣленную даль, онъ въ минуту кончины произнесъ слѣдующія послѣднія слова; *„Вотъ и Спаситель!“*

И. Ч. былъ одинъ изъ трудолюбивыхъ народныхъ учителей нашего околка. Въ учительской должности онъ кончилъ служить седьмой годъ и выпустилъ изъ народной школы не одинъ десятокъ крестьянскихъ мальчиковъ вполне грамотныхъ и религіозно-правственныхъ, изъ коихъ нѣсколько человекъ воспитываются въ учительской семинаріи. Былъ предавъ школѣ всей душою и всѣми способами старался какъ можно больше принести пользы воспитываемому юношеству, для чего постоянно приобрѣталъ разнаго рода усовершенствованныя руководства для учителей и воспитателей по народному образованію.

За такое прилежное исполненіе своей должности покойникъ пользовался достойною любовью и уваженіемъ своихъ сосѣдей и крестьянъ; а учебное начальство не разъ выражало ему свою признательность и, по возможности, награждало денежными наградами.

Покойникъ крестьянинъ, сынъ бѣдной вдовы, воспитаніе получилъ въ Молодечненской учительской семинаріи, (Вил. Вѣст.)

— На университетскомъ обѣдѣ 8 февраля въ СПБ., нѣкоторые господа имѣли безтактность произносить рѣчи на тему о „національности“ въ во вкусь известнаго доктринарскаго направленія и провозглашать тосты за автономію Польши и равноправность евреевъ. Рѣчи эти были встрѣчены болѣе чѣмъ холодно, а тосты прямо вызвали бурю негодованія, проявившагося столько же рѣзко, сколько внушительно. Безтактнаго оратора, очевидно не ожидавшаго такой встрѣчи и рассчитывавшаго на иную аудитерію, опикали и освистали безпощадно. И это дѣломъ!

Редакторъ, Протоіерей *Іоаннъ Котовичъ*.

Вильна. Губернская Типографія.
Ивановская у. № 11